

Наместники в России XVI века

Автор: В. А. Аракчеев

Аракчеев Владимир Анатольевич - кандидат исторических наук, заведующий кафедрой музееведения и археологии Псковского государственного педагогического университета.

Первая попытка определить соотношение власти государя и полномочий его подданных в России принадлежит Ивану Грозному, который в письме к шведскому королю Иоганну III заметил: "И коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу арцыбискуп и советники и вся земля в товарищех не были, и землю к государем великим не приписывают"¹. Этой сентенцией самодержец в афористической форме высказал свое кредо, раскрывающее его представления о "совершенном" (идеальном) государстве, где вся полнота власти должна принадлежать государю. Вместе с тем он разъяснил и соответствующую этому государству иерархию верховной власти и "земли". Земля, согласно его взглядам, должна была быть представлена преимущественно в системе местного управления.

В исторической науке XIX - первой половины XX в. доминировала "обличительная" тенденция в анализе и описаниях наместничьей системы управления. Она трактовалась преимущественно как реликт эпохи политической раздробленности, приговоренный к уничтожению самой историей². Порядку раздачи кормлений противопоставлялась система самоуправления, представленная автономными всесословными выборными учреждениями, хотя само слово "самоуправление" в русском языке 1860-х годов было неологизмом, позаимствованным из немецкого языка (*Selbstverwaltung*).

Объективному, свободному от вненаучных влияний изучению этого вопроса положил начало В. О. Ключевский. В современных исследованиях служба наместников и волостелей предстает как сочетание судебной, фискальной, административной, военно-мобилизационной деятельности, обеспечиваемой фиксированными кормами и доходами. Когда наместник или волостель получал право "боярского суда", то он решал тяжбы в последней инстанции; в противном случае кормленщик "засуживал" дело и посылал протокол своего суда на окончательное решение вышестоящему наместнику или на суд великого князя и его бояр введенных³.

Наиболее спорными аспектами проблемы и сейчас являются соотношение кормлений с боярским судом и без боярского суда с традициями отдельных земель государства, хронология и сущность губной реформы. Разногла-

---

сия вызывают также такие вопросы, как нововведения в системе местного управления в 1549 - 1550 гг., изменения в положении кормленщиков в результате земской реформы 1551 - 1556 гг., последствия смены наместников воеводами. Взаимоисключающие суждения высказываются во многом потому, что институт наместников изучался вне связи с такими важными явлениями, как формирование дворянского сословия, изменения в фискальной политике, эволюция холопства, оформление приказного аппарата. Многое, однако, проясняется, если исследовать

институт кормлений как элемент социальной системы.

В 1960 - 1970-х годах в трудах А. А. Зимина и Е. И. Колычевой были высказаны суждения, надолго определившие понимание прерогатив наместников. Согласно их точке зрения, "в определенные крупные города всегда (или почти всегда) назначались наиболее влиятельные лица, сосредоточивающие в своих руках полноту власти и осуществлявшие на местах функции боярского суда". Колычева составила список городов, где наместники "всегда (или в определенные годы) могли осуществлять боярский суд", однако эти наблюдения обесцениваются ее же замечанием, что правом боярского суда могли обладать как наместники, так и волостели⁴. Сравнительный анализ компетенции наместников на окраинах и в центре по материалам кормленых грамот провел Б. Н. Флоря. Он пришел к заключению о том, что единый общерусский формуляр этого вида источников не сложился: "На разных территориях продолжали бытовать грамоты разных типов".

На землях Северо-восточной Руси за редчайшим исключением использовались кормленые грамоты "пространного" типа, формуляр которых включал обращение к населению с упоминанием "бояр, слуг и всех людей", а также статьи о подсудности истцов наместнику или волостелю, о санкции недельщику за нарушение подсудности и о выдаче князем правой грамоты в случае неявки истца в суд наместника. В новгородско-псковском регионе и в Вятской земле выдавались кормленые грамоты "краткого" типа - с упрощенным формуляром: при перечислении подвластного наместнику населения упоминались только "все люди", отсутствовали статьи о вызове в суд, а сама грамота состояла из одного обращения к населению⁵. Расхождения в формуляре свидетельствуют о существовании иерархии наместников, и для изучения механизмов осуществления ими правосудия необходимо исследовать весь комплекс документов, составлявших делопроизводство кормленой системы.

Эту работу проделал А. В. Антонов, и он установил, что кормленые грамоты краткого типа жаловались наместникам и волостелям "с судом боярским", то есть с максимальными судебными полномочиями, а грамоты пространного типа - наместникам и волостелям "без боярского суда". Антонов также сформулировал общий вывод о том, что "различный объем юрисдикции кормленщиков определялся судебно-административным статусом территорий, сложившимся в ходе образования единого Русского государства", и не зависел от социального статуса наместника⁶.

Возражая Антонову, Т. Б. Пашкова привела известные еще Колычевой примеры выдачи правых грамот на беглых холопов наместниками Переяславля, Галича и Дмитрова. Коль скоро выдача правых грамот на беглых холопов была прерогативой наместников с боярским судом, следует заключить, что предположения Антонова о наличии в этих городах кормленщиков без боярского суда не подтверждаются⁷. В то же время Ю. Г. Алексеев высказал мнение, что первоначально суд боярский "был индивидуальным пожалованием конкретному кормленщику, и только позднее, когда стали выдаваться уставные грамоты провинциям, этот суд мог стать привилегией не субъекта,

а объекта кормления"⁸. Вопрос заключается, таким образом, в том, составляли ли наместники и волостели с боярским судом определенный административный разряд или должность наместника в определенном городе сообщала занимавшему ее служилому человеку

прерогативы администратора с боярским судом.

Веский аргумент в этом споре был выдвинут Алексеевым: по его мнению, уставные грамоты наместничьего управления предопределяли прерогативы кормленщиков, "наезжавших" на город или волость. И в самом деле, сроки действия уставных грамот намного превышали время пребывания кормленщика на должности. Онежская грамота была выдан 4 июня 1536 г., подтверждена 25 марта 1552 г. и действовала далее до отмены кормлений; уставная грамота Устьянским волостям - с 11 сентября 1539 г. (подтверждена 5 марта 1553 г.) также до ликвидации кормленной системы⁹. Любой наместник или волостель, наезжавший на эти кормления, получал одновременно и право боярского суда, коль скоро грамоты передавали ему право расследования и суда по делам о душегубстве и холопстве.

Отдельные верные замечания Пашковой не опровергают сути построений Антонова, наблюдения которого можно конкретизировать. Право боярского суда действительно предоставлялось служилым людям, получавшим кормления на определенных территориях, хотя состав этих территорий нуждается в уточнении. Антонов, в частности, отмечает, что на волостельство в Троицкой трети в Заозерье выдавалась грамота краткого типа (с боярским судом), а в Вологодском уезде пожалования кормлений оформлялись грамотами пространныго типа. Между тем, Заозерье являлось как раз вологодской волостью. Антонов также утверждает, что кормленные грамоты пространныго типа выдавались наместникам и волостелям Галичского, Дмитровского, Переяславского уездов. Факты выдачи "беглых" грамот на холопов наместниками Галича, Дмитрова и Переяславля, а также прямое упоминание полномочий галичских наместников в таких судных делах, как душегубство, татьба с поличным, разбой, существенно ограничивают его выводы. Боярский суд был прерогативой наместников, сидевших и в названных трех бывших "стольных" городах великих и удельных княжеств Северо-восточной Руси, хотя грамот на кормления в них не сохранилось.

Нуждается в дополнительном обосновании и предположение Антонова о предоставлении кормлений с боярским судом наместникам и волостелям Новгородской и Псковской земель. Наместники собственно Новгорода и Пскова обладали не только прерогативами боярского суда, но и исполняли, по СМ. Каштанову, "непосредственно княжескую, правительственную функцию", ведя переговоры и заключая договоры с Ливонским орденом и Швецией¹⁰. Однако до нас не дошли грамоты на кормления в Новгороде и Пскове; сохранились лишь 20 кормленных грамот краткого типа на новгородские волости и пригороды Новгорода и Пскова. Значит ли это, что кормленщики таких незначительных административных единиц Северо-запада, как Ржева Пустая, Боровичи Бежецкой пятины, Деман и Березовец, Курск, Кобылье городище были наделены правом боярского суда?¹¹

Между тем в Псковской писцовой книге 1585 - 1587 гг. имеются уникальные сведения о доходах наместников псковских пригородов Изборска, Острова и Выбора. "А доходу изборскому наместнику з города с посаду, и со всего Изборскаго уезда со шти губ: с царя и великого князя черных деревень, и с помещиковых, и монастырских, и с церковных крестьян, да взъезжие пошлины наместнику рубль, да посадничьи пошлины рубль московской... А доходу наместнику дают с Острова с посаду, и с Островского уезду со шти губ: с помещиковых, и с монастырских, и с церковных, опричь царя и великого

оставной грамоте сто денег псковская, да посадничьи пошлины сто ж денег, итого два рубли московская... А наместничья доходу с пригорода с Выбора, и со всего Выборского уезда с пяти губ: взъезжего сто денег псковская, да за посадничью пошлину шестьдесят денег"¹².

Факт сохранения в московский период посадничьей пошлины, восходящей к временам Псковской вечевой республики, свидетельствует не только об архаизме системы кормов в псковских пригородах XVI века. Стоит задаться вопросом о том, как была сохранена эта "старина" во взаимоотношениях наместников с местными мирами. Могла ли посадничья пошлина быть включена новыми московскими властями в состав наместничьих кормов в 1510 году? Полностью исключить этого нельзя, но известные из летописи факты последовательного искоренения республиканских порядков в Пскове в первой половине XVI в. делают более вероятным другой ход событий. Существенное перераспределение властных полномочий в республиканский период произошло в 1467 г., когда в Псков прибыл новый князь Федор Юрьевич Шуйский, "а посадники псковски и Псков емоу на всех 12 пригородах даша наместников держати, и соудови соудити его наместником, на которых ни боуди и из веков княжий наместники не бывали"¹³. На содержание княжеских наместников, появившихся во всех пригородах, включая построенный лишь в 1430 г. Выбор, пришлось передать часть кормов и доходов, взимавшихся ранее в пользу республиканского аппарата, в их числе и посадничью пошлину, которая сохранилась в составе кормов наместников в XVI веке.

Аналогичное явление имело место в Новгородской земле и известно по писцовой книге Шелонской пятины 1524 г.: с погоста Ужин "наместникам новгородским идет со всего погоста 18 гривен новгородская посадничья пошлины", с погоста Взвяд "наместником ноугородским с того погоста дают посадничьи пошлины денег полтора рубля новгородская"¹⁴. Существенным моментом здесь является то, что посадничья пошлина входит в состав кормов новгородскому наместнику, который, разумеется, обладал правом боярского суда. Значит, получавшие посадничью пошлину наместники Выбора, Изборска, Острова и, вероятно, других псковских пригородов тоже обладали правом боярского суда. Как видим, наместники в данном случае получали кормленные грамоты двухстатейного формуляра, в связи с чем следует обратить внимание и на обладателей подобных грамот, получавших кормления в Новгородской земле. Сопоставив кормленную грамоту на обонежскую волость Выгоозеро и указную грамоту обонежским губным старостам 1543 г., а также доходный список Ладожского наместничества с кормленной грамотой на Ладугу 1582 г., Антонов подтвердил свою гипотезу в части, относящейся к новгородским пригородам¹⁵.

Чем объясняется тот факт, что наместники незначительных с военно-административной точки зрения и не слишком доходных новгородских и псковских пригородов и волостей обладали правом боярского суда? Как показал В. Л. Янин, Новгородская республика в целях противодействия аннексионистским замыслам великих князей владимирских и литовских создала в приграничных районах систему совместного владения волостями¹⁶. В древнейшем дошедшем до нас договоре Новгорода с великим князем Владимирским 1264 г. содержится традиционная формула, повторявшаяся во всех последующих договорах: "А волости ти, княже, новгородских своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородскими; а дар от тех волостей имати". Аналогичное положение содержали и договоры с Литвой, заключавшиеся, по мнению Янина, с 1326 г.: "А что волости, честны король, новгородские, ино тебе не держати своими мужи, а держати мужми новгородскими"¹⁷.

"литовского" кормления, в соответствии с которой Ладога, Орешек, Корела, Копорье, а позднее и Ям, были переданы в руки вассальных князей Великого княжества Литовского; первым из них был Наримонт Гедиминович¹⁸. Подобные Наримонту династы, очевидно, получали в пригородах высшие судебные полномочия, ограниченные лишь присутствием в их суде новгородских представителей по подобию верховного суда Господы. В новгородских "мужах", "которыми" предписывалось "держать" пограничные волости, следует видеть бояр, которые к середине XV в. почти поголовно получали должности посадников, обеспечивавшие их держателям право боярского суда. Кормления в пригородах предоставлялись выходцам из Литвы до 1458 г., а система кормлений в волостях продержалась до 1478 г., пережив второе рождение после включения Новгорода в состав Русского государства.

В землях Великого Новгорода известен еще один вид кормлений. В городках Курск и Демон - центрах своеобразных административных единиц - существовали присуды, между которыми в конце XV - первой половине XVI в. были поделены погосты Деревской пятины¹⁹. Часть ее погостов входила в состав Новгородского присуда, и прерогативы боярского суда были свойственны наместникам Курска и Демона в той же степени, как и верховным судьям Новгорода. Помимо номенклатуры наместнических держаний, великие московские князья унаследовали от республиканских времен и расширенные судебные полномочия, свойственные местным кормлениям и приравненные к бытовавшему в Северо-восточной Руси праву боярского суда. Таков был генезис права боярского суда в Новгородско-псковских землях.

Эта устоявшаяся к рубежу XV-XVI вв. система претерпела изменения, связанные с губной реформой 1530 - 1540-х годов, исследованной в новейшей работе М. М. Крома. Ему удалось показать, что введение выборных должностей губных старост и целовальников не было связано с ростом классовой борьбы²⁰. Но едва ли заслуживает полного доверия та версия причин губной реформы, изложенная в Псковской летописи, где во главу угла поставлена продажность и безответственность кормленщиков. Скорее, губная реформа была вызвана причинами, общими с мотивами других преобразований середины XVI в. и изложенными в известных "царских вопросах" к Стоглавому собору (февраль 1551 г.)²¹.

Обращаясь к митрополиту, царь отчитывался: "А яз по вашему прощению и благословению бояр своих в прежних во всех винах пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми хрестьяны царствия своего в прежних во всяких делех помиритися на срок. И бояре мои, все приказные люди, и кормленщики со всеми землями помирились во всяких делех". Кроме того, царь просил совета об исправлении законодательства: "А которые обычаи в прежние времена после отца нашего великого князя Василия Ивановича всеа Руси и до сего настоящего времени поизшатались, или в самовластии учинено по своим волям или предние законы которые порушены или ослабно дело небрегомо божиих заповедей, что творилося, и о всяких земских строениих и о наших душах заблуждении о всем о сем довольно себе духовне посоветуйте"²².

Из "царских слов" следует, что правящий слой в лице бояр, приказных людей и кормленщиков стал осознаваться как противостоявшее "христианам" сообщество, чья деятельность создает анархию и беспорядки в обществе и стала нетерпимой даже для верховной власти. Неустойчивость государства, имевшего слишком слабые связи с населением, наглядно проявилась в ходе майского восстания 1547 г. в Москве. Царские вопросы к собору и отражали стремление найти способ так распорядиться властью, чтобы до-

биться повиновения и признания населения. Эту цель преследовало законодательство 1549 - 1550 гг., и прежде всего издание Судебника 1550 года.

Выступая перед участниками собора 27 февраля 1549 г., царь назвал и детей боярских в числе пострадавших от "силы, продажи и обид во всяких делах". Соборным постановлением они были выведены из-под суда наместников. Это постановление (ст. 64) Судебника издавна вызывает дискуссии. Исследователи обычно исходили из того, что к середине XVI в. большинство или даже все служилые землевладельцы были обладателями несудимых грамот, то есть личного иммунитета от суда наместников²³. Сомневался во всеобщем характере таких пожалований только Б. А. Романов, указавший на невозможность объяснить в этом случае ст. 64 Судебника 1550 года.

В этой связи Антонов привлекает внимание к февральскому приговору 1549 года. Он считает, что указ от 28 февраля наделял иммунитетными привилегиями всех землевладельцев, входивших в состав дворянских городских корпораций. Остальные помещики уезда: думные чины, служилые "на приказе", отставные, вдовы, недоросли не получили по приговору 1549 г. судебного иммунитета и добивались несудимых грамот в индивидуальном порядке. Антонов опирается на анализ иммунитетных грамот, выданных служилым людям в 1549 - 1585 гг., то есть пользуется методом "от противного"²⁴. Но более прямой путь открывает изучение грамот, выданных землевладельцам до 1549 г., хотя до нашего времени дошло лишь немного иммунитетных грамот служилым людям. После публикации Антонова и К. В. Баранова количество введенных в научный оборот несудимых грамот XV-XVI вв. достигло 157, в то время как, по расчетным данным, в России XVI в. численность служилых землевладельцев превышала 20 тысяч.

К тому же очевидны диспропорции в количестве сохранившихся жалованных грамот служилым людям от разных территорий Русского государства. Из 157 грамот лишь четыре относятся к западным уездам (Вяземский уезд и Смоленская земля), две - к Вятке, одна - к Великолукскому уезду, а все остальные - к городам и уездам Замосковского края. Формуляр жалованных грамот служилым людям включал статьи о судебном иммунитете, которые, как правило, укладывались в выявленную СБ. Веселовским четырехчастную формулу. Обратим внимание на особенности формуляра тех грамот, которые не укладываются в существующую схему. К рубежу XV-XVI вв. относятся грамоты на поместья в новгородских пятинах Воробьиным 1482 г., Мосеевым 1502 г., Семену Огареву 1503 г., Мите Щербинину 1523 года. Согласно этим документам, деревни передавались землевладельцам "в поместье з доходом з денежным и с хлебным и с мелким доходом, oprичь нашии великих князей и обежные дани"²⁵. Б. Н. Флоря видит в новгородских поместных грамотах "иной тип документа", отличный от жалованных грамот традиционного типа, поскольку в них не упоминается в каких-либо формах иммунитет грамотчиков²⁶.

Изданная Каштановым жалованная грамота 1504 г. Васюку Иванову с братьями на поместье (56 деревень) в Великолукском уезде также представляет собой особый тип жалованной поместной грамоты. Формуляр первого раздела *dispositio* содержит условие о передаче деревень "в поместье з доходом денежным и с хлебным, и с нашим мелким доходом, oprичь наших, великих князей, обильные дани". В этой части великолукский документ идентичен формуляру новгородских грамот. Второй раздел *dispositio* трактует проблему судебного иммунитета поместных земель и состоит из четырех статей, как и аналогичные разделы жалованных грамот Замосковского края XV-XVI веков. Согласно первой статье, население передаваемых Иванову деревень освобождалось от суда наместников и их тиунов по всем

губства и разбоя с поличным, а также от кормов в пользу наместников. Статья вторая передавала право суда над населением поместья грамотчику, из ведения которого изымались лишь дела о душегубстве и разбое. Третья статья трактовала вопросы "сместного" суда.

Первые три статьи второго раздела грамоты воспроизведут первые три статьи трафаретного четырехстатейного формуляра всех несудимых жалованных грамот служилым землевладельцам. Четвертая же имеет существенные особенности. В подавляющем большинстве жалованных грамот иммунитет и его приказчик не подсудны наместнику и волостелю, и во всех исках, предъявляемых им, подсудны лишь князю и его "введенному боярину". Иной порядок устанавливает великолукская грамота 1504 г.: иммунитет и его приказчик подсудны во всех делах наместнику. "А кому будет чего искати на Васюке, да на его братье, или на их прикащике, - сказано в ней, - ино их судит наши наместницы луцкие"²⁷. Таким образом, в великолукской грамоте 1504 г. изображен нетипичный для Северо-восточной Руси порядок, когда власть наместников особенно обширна, причем в их компетенцию входит и суд по искам к иммунитетам, и суд над иммунитетами по делам о душегубстве и разбое с поличным.

Аналогичный формуляр имеет жалованная несудимая грамота от 20 января 1556 г. служилым вятским князьям М. Деветлярову и Ш. Казыеву на деревни в Слободском волостельстве. Формуляр грамоты тоже необычен: во втором разделе *dispositio* отсутствует третья статья, где в несудимых грамотах, как правило, трактовались вопросы сместного суда. Грамота 1556 г. состоит из трех статей, в последней из которых говорится: "А кому будет чего на Матфейке Деветлярове да на Шомае Козыеве искати, ино их судит наш наместник Хлыновский". Подобная же несудимая жалованная грамота была выдана вяземским помещикам Федору и Ивану Болотниковым в 1530 году. Четвертая статья этой грамоты несколько иная: суд князя не исключен вовсе, но возможен суд наместника: "А кому будет чего искати на Фетке, да на брате его на Иванке, да на феткове сыне на Лобанце, или на их прикащике, ино их сужу яз, князь велики, или наши наместницы вяземские"²⁸.

Очевидно, что в конце XV - первой половине XVI в. иммунитетные грамоты служилым людям на их поместья в северо-западных, западных и приуральских уездах составлялись по особому формуляру, отличавшемуся от формуляра грамот, выдаваемых служилым людям Замосковского края. Коль скоро установлено, что волостели и наместники бывших Новгородско-псковских земель обладали правом боярского суда, они должны были обладать расширенной компетенцией и по отношению к местным служилым людям. Конечно, великолукских, вяземских или вятских наместников трудно сравнивать с новгородскими по объему полномочий, но нечто общее у них было. Все они правили в краях, где московская власть не имела глубоких корней и, в сущности, являлись главными доверенными лицами великого князя.

Поэтому несудимые жалованные грамоты таких наместников содержали отступления от общероссийского иммунитетного права, передававшие им суд над детьми боярскими. В сущности, к помещикам окраинных уездов перешла лишь судебная власть над их крестьянами, что, конечно, было немаловажно для установления вотчинного режима. Но личного судебного иммунитета служилые люди этих территорий не получили, причем в составе поместного

дворянства России доля служилых людей, лишенных судебного иммунитета, была, надо полагать, немалой. Ст. 64 Судебника 1550 г. как раз и устраняла это противоречие, уравнивая детей боярских всех городов и уездов в судебных правах.

стр. 9

В комментарии к Судебнику Романов писал: "В самом деле, если действительно все помещики - дети боярские - в 1550 г. обладали жалованными несудимыми грамотами индивидуального образца, - какой реальный смысл был включать в ст. 64 мотив всеобщности "вопчих" грамот?" Думается, смысл состоял в том, что, во-первых, жалованные несудимые грамоты индивидуального образца, имевшиеся у помещиков в середине XVI в., существенно различались, а во-вторых, у части помещиков (в новгородских пятинах) их, видимо, не было вовсе. Ключевой формулой статьи 64-й является словосочетание "по всем городом": "а детей боярских судити наместником по всем городом по нашим царевым государевым жалованным вопчим грамотам"²⁹.

"Вопчие" грамоты должны были повсеместно ликвидировать разноречивость в содержании личных грамот служилых людей. Словосочетание "во всех городах" дважды встречается и в летописном свидетельстве об уложении Ивана IV от 28 февраля 1549 г.: царь "уложил, что во всех городех Московские земли наместником детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы и розбоя с поличным, да и грамоты свои жалованные во все города детям боярским послал"³⁰. Правительство сделало решительный шаг к преодолению областных различий, и служилые люди были выведены из-под судебной власти наместников. В установлении единых правовых норм по всей стране и состояла одна из главных задач Судебника 1550 года.

"Вопчие" грамоты, с помощью которых правительство намеревалось поставить служилых людей под суд наместников, долгое время представляли загадку для исследователей, пока Антонов не обнаружил Рыльскую уставную наместничью грамоту 1549 года³¹. По его мнению, "в так называемых вопчих грамотах 64-й статьи Судебника следует видеть уставные наместничьи грамоты, которые отражали судебно-административные привилегии детей боярских той или иной уездной корпорации и определяли порядок судопроизводства и размер судебных пошлин по таким делам, как душегубство, татьба и разбой с поличным"³². Однако после первой публикации документа Антонову удалось найти еще два листа списка Рыльской уставной грамоты, после чего стало ясно, что ее содержание входит в противоречие как с приведенной трактовкой, так и с летописным свидетельством о февральском уложении царя 1549 года.

Оказалось, что подсудность детей боярских наместнику отнюдь не ограничивается только разбойными делами, но распространяется и на гражданские иски и мелкие уголовные правонарушения. "А будет выше десяти рублей в займе или в бою, - гласит уставная грамота, - или в лае и детям боярским промеж себе, или их людем, или посадцким людем и волостным хрестьяном от них, наместник или его тиун в тех делех присужают детям боярским з детьми ж поле з докладау, а посадцким людем с волостными хрестьяны присужают поле з докладау ж. А з детьми боярскими и с их людьми посадцким людем и волостным хрестьяном и бортником в какове деле ни будь поль не присужати, а присужати з детьми боярскими и с их людьми посадцким людем и волостным хрестьяном в какове деле..."³³. Как видно из цитированного текста, служилые люди получили довольно существенную привилегию, избавившую их от необходимости выходить по таким делам на судебный поединок с тяглыми людьми, но обрыв

текста не позволяет узнать, какую форму процесса в таком случае назначала уставная грамота.

Рыльская уставная грамота 1549 г. является пока единственным выявленным документом подобной разновидности (грамота наместничьего управления), который был дан населению целого уезда, где имелось служилое землевладение. Однако о всеобщем характере ее норм говорит такой важный источник, как несудимая грамота белозерскому губному целовальнику Ши-

стр. 10

рю Чернцову 1580 года. В качестве пожалованной царем целовальнику привилегии здесь названо освобождение от наместничьего суда по всем делам, кроме тяжких уголовных преступлений: "И наши наместницы и волостели и их тиуны того губного целовальника и его жены и детей, которые дети с ним живут, а не в розделе, не судет ни в чем, опричь душегубства, татьбы и розбоя с поличным"³⁴. Если представитель служилого сословия получает как царскую милость точно указанный иммунитет, в явное изъятие из общей нормы, значит это служилое сословие в массовом порядке во второй половине XVI в. такой привилегией не пользовалось.

Стоит сопоставить также сообщения летописного Хронографа 1512 г. со статьями Судебника 1550 года. В статьях Судебника, как правило, не конкретизирован сословный статус истца или подсудимого, физическое лицо обозначается местоимением "хто". Лишь в двух статьях, посвященных особенностям судебного определения, сословный статус лица точно указан. Помимо уже цитированной ст. 64, это ст. 72, в которой идет речь об обоснованности сумм исков "животами" (степенью состоятельности) посадских людей и черных людей в волостях. Понимание ст. 64 в таком контексте может быть двояким. Романов делал акцент на обороте "по нынешним царевым государевым по их вопчим грамотам", предполагая существенное отличие этих грамот от известных историкам наместничьих.

Однако нормы, имеющиеся в Рыльской уставной грамоте, заставляют в интерпретации статьи Судебника специально рассмотреть оборот "детей боярских судити наместником по всем городом". Законодатель стремился указать на всеобщность новой процессуальной практики, выведившей детей боярских из обязанности участвовать в поединках с тяглыми людьми. Имеется, таким образом основание видеть общую норму в указаниях Рыльской уставной грамоты о том, что городские дети боярские оставались под судом наместников и после нововведений 1549 - 1550 гг., которые менее ясно выглядят в Хронографе 1512 года. Существенные потери текста Рыльской грамоты не позволяют узнать о других возможных привилегиях служилых людей, но предположение об их существовании правомерно, поскольку эти нововведения делались в ходе разворачивавшейся в стране земской реформы.

Прорыв в изучении земской реформы в исторической науке связан с исследованиями Н. Е. Носова³⁵. Сопоставив сохранившиеся уставные грамоты с летописным изложением приговора о кормлениях и службе, Носов пришел к выводу о двух этапах реформы. На первом этапе, в 1551 - 1552 гг., проводились в жизнь постановления Стоглавого собора, осуществление которых было прервано "отставкой" реформы после взятия Казани осенью 1552 года. На втором этапе, в марте-сентябре 1555 г., кормления были отменены уже на большей части территории страны. Однако представленный Носовым поездный обзор хода реформы привел его к выводам, противоречившим его же собственной концепции.

Опираясь на недатированные упоминания получения кормов служилыми людьми, Носов предположил, что многие волости и посады Замосковского края перешли на откуп как раз в годы "отставки" реформы (1553 - 1554 гг.), хотя кормленщики и после этого могли "наезжать" на волость и получать откуп лично³⁶. Источники о земской реформе Носов рассматривал под влиянием концепции "двух путей развития" России во второй половине XVI века. Земские преобразования в этом контексте представляли воплощением альтернативного пути развития "раннебуржуазных" отношений в стране³⁷.

Как видно из цитированных "царских вопросов" к Стоглавому собору, правительство в наибольшей степени беспокоило неустроенность отношений между тяглыми мирами и служилым сословием. На первом этапе (1549 -

стр. 11

1550 гг.) правительство выдало большинству городов с уездами новые уставные грамоты, требовавшие обязательного участия в наместничьем суде земских старост и целовальников, о чем царь докладывал на соборе: "Да устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники, и сотские и пятидесятские по всем градам и по пригородом, и по волостем, и по погостом, и у детей боярских, и уставные грамоты пописал"³⁸. Уставные грамоты, подобные Рыльской, были выданы Устюжне, а также, вероятно, Пскову, и другим городам.

Перевод в 1551 - 1552 гг. некоторых волостей и уездов на откуп в ряде случаев был временным. Так, волости Малая Пинежка, Выя и Сура, составлявшие единый кормленный округ и получившие 25 февраля 1552 г. земскую уставную грамоту, уже через год были разделены, и одна из волостей, Малая Пинежка, вновь была отдана в кормление. Тем не менее даже в период временной "отставки" кормлений шла отработка новых принципов управления, прежде всего в сфере таможенного дела³⁹. С осени 1554 г. верные целовальники приступили к сбору мыта и пошлин на Свирских порогах. Весной 1555 г., с Благовещенья (25 марта), начался массовый перевод на откуп волостей Замосковского края и Поморья, вносящий коррективы в административную практику. Многие служилые люди находились на кормлении, многие стояли в очереди на получение кормления. Например, волостель Зачесломский, успевший к Благовещенью получить с волостей Кусь и Немда лишь Рождественский корм, Петровский корм получал уже в казне.

На Семенов день (1 сентября) 1555 г. состоялся массовый перевод на откуп псковских пригородов и новгородских волостей, а к 10 января 1556 г. на Северо-западе действовал разветвленный выборный фискальный аппарат, охватывавший все виды административных единиц. В этом же году на откуп переводится Двинская земля, и реформа завершается достижением трех основных целей. Во-первых, служилые люди стали в большинстве случаев получать жалованье из казны; государство теперь выступало посредником в постоянном конфликте между ними и тяглыми мирами. Во-вторых, земские учреждения, на долю которых выпали разверстка и сбор налогов и натуральных повинностей, были включены в единую систему государственной власти. В-третьих, во всех крупных и приграничных городах наместничества были сохранены, что обеспечивало военные интересы страны и доступ верхов служилого сословия к дополнительным доходам.

Однако сам характер получаемых наместниками кормов существенно изменился. Доходы наместников и волостей фиксировались в двух видах документов: уставной грамоте наместничьего управления, объявляемой населению, и доходных списках, которые,

применительно к первой половине XVI в., целесообразно именовать жалованными грамотами⁴⁰. Изложенные в уставных грамотах принципы оставались неизменными до 1550-х годов и предусматривали взимание с населения въезжего и трех праздничных кормов, исчисленных в натуральном и иногда в денежном выражении. Последний по времени документ, в котором нашел отражение этот порядок, - уставная грамота Пермской земле 1553 г., где корм наместнику исчислялся в белках, тарифицированных в денежном эквиваленте. Уставная грамота московским дворцовым селам 1554 г. предусматривала выплату минимальных пошлин лишь посельскому, а более поздние грамоты вообще умалчивали о кормах⁴¹.

Принципы кормления отразились в жалованных грамотах и доходных списках. Кормленный порядок по ранним жалованным грамотам 1500 - 1509 гг. Осорьиним, князю Козловскому, Коробьину представлял собой периодическое (на Рождество, Велик день и день св. Петра и Павла) взимание нату-

стр. 12

ральных поборов отдельно с частновладельческих и отдельно с черносошных земель⁴². В боярских и монастырских землях единицей обложения была соха, приравненная шести деревням в черносошных землях. Грамоты допускали возможность выплаты наместникам корма деньгами, если он им будет "не люб", однако СБ. Веселовский показал большую выгодность корма именно в натуральном исчислении⁴³. Несмотря на повсеместность описанной практики, единой системы взимания кормов в Русском государстве не сложилось.

Выгоднейшими с доходной точки зрения кормлениями были волости и посады промысловой специализации, в особенности связанные с солеварением, развитым в Старой Руссе и Мореве Новгородской земли, Соли Великой и Малой Костромского уезда, Соли Галицкой. Уже жалованная грамота 1528 г. на Соль Малую наделяла волостеля Г. Д. Кобякова кормами, почти полностью пересчитанными на деньги: "Емлет в год на три праздника - на Рожество, на Велик день, на Петров день по полчетверта рубля на праздник". Важнейший этап в эволюции кормлений зафиксирован в наказном списке 1535 - 1542 гг. Третьяку Котенину, которому было велено "ведать на великого князя" половину Галича с волостями. Соответственно, и корм Третьяк должен был "имать на великого князя", для чего все поборы на три праздника были исчислены в денежном эквиваленте. В частновладельческих землях, которые в документе отождествлены с "грамотчиками", кормы взимались с сохи, в черных волостях - с приравненных к сохе шести деревень. Праветчиков побор в станах и волостях взимался со всех категорий земель по три деньги с крестьянского двора⁴⁴. Из цитированного документа видно, что великокняжеская канцелярия задолго до земской реформы владела приемами приказного управления городами и волостями.

Дальнейшая судьба системы кормлений исследована фрагментарно. Зимин ограничился констатацией факта, что "получение наместничества было сопряжено с сохранением кормленной системы", и доказывал это положение ссылкой на доходный список на г. Рязск 1568 г. и псковские писцовые книги. Зимин все же указывал на "воскрешение старых форм управления, которые наполняются новым содержанием" в годы опричнины, однако не разъяснял это новое содержание⁴⁵. Между тем доходные списки на кормления 1568, 1585 и 1587 гг. отличаются от аналогичных документов первой половины XVI в. почти полной коммутацией кормов, то есть пересчетом их в денежном эквиваленте.

Коммутация производилась в двух основных формах. В юго-восточных городах (Рязск, Арзамас) с помещичьих, вотчинных, монастырских земель кормы взимались с сохи в размере 20 алт. 8 денег или 43 алт. без 2 денег. На посаде корм под названием "поворотное" исчислялся в размере 3 - 5 денег с двора на три праздника, а в Арзамасе с посадских дворов взимался дополнительный платеж "за намеснич доход по полуполтине"⁴⁶. В юго-западных и западных городах (Чернь и Новосиль, Рославль, псковские пригороды) все кормы были разверстаны на дворы или на глав семейств. В Черни и Новосили князь Морткин взимал в 1585 г. корм и намесничьи пошлины "в год на три праздника, на Рождество Христово з двора по денге, на Велик день з двора по денге, на Петров день з двора по денге ж". Аналогичная система пошлин (по деньге со двора на каждый из трех праздников) существовала в 1587 г. в Рославле⁴⁷. В псковских пригородах сложилась уникальная система взимания кормов, которая в науке до сих пор не получила объяснения. В Гдовском, Изборском, Островском, Выборском, Дубковском уездах намесничьи кормы взимались в денежном эквиваленте с женатых людей по одной деньге всего раз в год на Рождество.

стр. 13

Приведем фрагмент из итогов описания Изборского уезда: "Да царя и великого князя корму з году на год на Рождество Христово с Ызборска с посаду, и с Ызборскаго уезду с помещиковых, и с монастырских, и с церковных з женатых людей з двусот с пятидесят с четырех человек по деньги московской с человека, итого рубль и 9 алтын, oprичь черных деревень. А по старому письму шло наместнику корму с Ызборска с посаду, и с Ызборскаго уезду со всех шти губ с черных, и с помещиковых, и с монастырских, и с церковных крестьян з женатых с тысячи с трех сот со штидесять человек по деньги московской, итого шесть рублей"⁴⁸. Как следует из контекста, под старым письмом в книге понимается описание "Г. Нагова с товарищи лета 7065", то есть 1556/57 года. Эта дата отсылает нас ко времени завершения земской реформы, когда, видимо, и утвердилась новая система взимания кормов в Псковской земле. Пока не выявлено жалованных грамот с исчислением кормов и доходных списков за 1540 - 1550-е годы, и, следовательно, нет возможности точно определить время полного отказа власти от практики взимания кормов в натуральном виде.

Однако, помимо приведенного выше аргумента, еще один факт свидетельствует о том, что такая реорганизация административной практики могла быть проведена только в годы земской реформы 1551 - 1556 годов. В указной грамоте новгородским дьякам от 9 декабря 1555 г. холмскому городовому приказчику М. Семичеву предписывалось "со всего Холмского уезда с живущих сбирати белой корм, с московские сохи, а с ноугородцких с десяти сошек, по сороку по три алтына без дву денег с сохи; а собрав денги на нынешней на шестдесят четвертой год, и книги велели есмь ему привезти на Москву к дьяку своему к Ивану к Григорьеву сыну Выродкова"⁴⁹. Эта грамота, таким образом, содержит указание на коммутацию кормов, взимавшихся ранее с грамотчиков наместниками, а теперь переведенных на деньги с целью их сбора городовым приказчиком непосредственно в казну. Судя по тому, что во всех четырех источниках 1560 - 1580-х годов намесничьи кормы пересчитаны в денежном эквиваленте, коммутация кормов практиковалась повсеместно, даже там, где наместники не были упразднены.

В суждениях исследователей о кормленной системе в последний период ее существования ощущается пробел, связанный с холопством. Проблема компетенции наместников в делах о холопах лишь применительно к первой половине XVI в. рассмотрена Колычевой. Одна из существенных прерогатив наместников с боярским судом в первой половине XVI в. состояла в праве выдавать беглые, правые и отпускные грамоты на холопов⁵⁰. Судебник 1550 г., однако,

внес в компетенцию этих администраторов существенные изменения.

Согласно ст. 63, за наместниками с боярским судом осталось лишь оформление полных и докладных грамот, а правые и беглые грамоты теперь могли выдаваться на местах через доклад боярам в Москве. Ст. 77 право выдачи отпускных грамот оставляла лишь боярам и дьякам в Москве, а также наместникам и дьякам Великого Новгорода и Пскова⁵¹. Изучив духовные, сохранившиеся за вторую половину XVI в., Колычева обнаружила в пяти из них распоряжение выдать холопам отпускные грамоты и усомнилась в том, что отпускные на холопов костромского и волоцкого вотчинников оформлялись в Москве. Кроме того, в составе новгородских записных книг старых крепостей она выявила списки отпускных грамот 70 - 90-х годов, не скрепленные печатью боярина или наместника, на основании чего сделала вывод, что постановления Судебника действовали непродолжительное время⁵². Гипотезу о кратковременности их действия можно аргументировать еще одним способом.

Несмотря на то, что институт наместников в Новгороде сохранился после реорганизации системы самоуправления, проведенной в его землях в 1555 -

стр. 14

1556 гг., в 1562 - 1572 гг. власть кормленщиков в Новгороде была временно заменена властью воевод и дьяков⁵³. Отсутствие наместника не позволяло реализовать важнейшее положение ст. 77 Судебника: "А хто положит отпустную без боярского доклада, и без новгородских и псковских наместников доклада, и без дьячей подписи, хотя и государя своего руку, и та отпустная не в отпустную"⁵⁴. Однако констатация этого факта еще не разрешает возникающего вопроса: кто санкционировал выдачу отпускных в Новгородской земле и на других территориях государства в 1560-х годах? Получили ли такое право наместники других городов? Был ли им наделен новгородский дьяк? Ответить на этот вопрос возможно лишь путем ретроспективного анализа поздних источников - Уложения о холопах 1597 г. и новгородских записных кабальных книг.

В Уложении 1597 г. говорится: "...которые люди з государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенья, лета 7000 девяносто четвертаго году июля с 1 числа, били челом в службу бояром, и князем, и дворяном, и приказным людем, и дьяком и детем боярским, и всяким служивым людем, и гостем, и всяким торговым людем, и кабалы служивые на себя давали, на Москве з докладу Холопья суда, и во всех городех с ведома приказных людей, и в записных в московских в кабалных книгах и в городех те служивые кабалы записываны..."⁵⁵. Как показала Е. Н. Кушева, упомянутый указ от 1 июля 1586 г. был адресован ведомству казначеев: "Одна из основных его сторон несомненно состояла в постановлении об обязательном оформлении служилых кабал докладом: в Москве в приказе Холопья суда, в городах в Приказной избе, а в сельских местностях у губных старост с занесением кабал в записные кабальные книги, причем определялся порядок доклада и записи и порядок взимания пошлин, которые вместе с копиями самих книг пересылались в Москву на казенный двор казначеем"⁵⁶.

В. И. Корецкий и В. М. Панеях, спорившие по вопросу о том, была ли запрещена уже указом 1586 г. уплата долга кабальным холопам, не обратили внимания на важные ремарки в новгородских записных кабальных книгах, касающиеся отпуска холопов на свободу. Колычева отметила, что, "взимая пошлины с отпускной, дьяк ссылался на Судебник и указ Федора Ивановича"⁵⁷. Очевидно, указ 1 июля 1586 г. должен был содержать и нормы об оформлении

отпускных. Отпускные грамоты в 1595 г. докладывались новгородскому воеводе Д. А. Ногтеву, и, значит, указ 1586 г. разрешал и отпускные грамоты регистрировать "во всех городех" с ведома приказных людей, в число которых должны были входить и воеводы.

В Уложении 1597 г. содержалось и положение о переходе бывших кабальных людей в полное и докладное холопство: "А которые кабальные люди учнут на себя полные и докладные давати, и тех кабальных людей отсылати с памятьми и с кабалами к постелничему и намеснику трети Московские, к Истоме Осиповичю Безобразову, и которые постелничие впредь будут"⁵⁸. Корецкий считал, что аналогичное положение содержалось уже в указе 1 июля 1586 г., и его гипотеза подтверждается наличным материалом. За 1587 - 1600 гг. сохранились шесть полных докладных грамот, зарегистрированных наместником московской трети и постельничим И. О. Безобразовым⁵⁹. Поскольку докладное холопство охватывало лишь ограниченный круг сделок, их регистрация была синекурой постельничего, выделенной ему из компетенции приказа Холопья суда.

Практика регистрации полных докладных в Москве исключительно в ведомстве дворцового служителя высшего ранга, архаичная по своей сути, соответствовала основной тенденции в эволюции системы управления, ведь до 1586 г. полные и докладные составляли наместники по всем городам Рус-

стр. 15

ского государства. Таким образом, в 1586 г. был бюрократизирован такой архаичный процесс, как порабощение людей, что оказало немаловажное влияние на судьбу наместничества. Регистрация сделок и отпускных на холопов сделалась заурядной бюрократической процедурой, и тем самым наместники лишились важной прерогативы, причем для наместников Новгорода и Пскова, контролировавших выдачу докладных и отпуск холопов вплоть до 1580-х годов, она имела решающее значение. Указ 1586 г., сократив прерогативы наместников, умалял весомость их должности и ускорил ликвидацию института наместников, а в некоторых городах, например в Пскове, по времени совпал с нею.

Реорганизация института наместников в третьей четверти XVI в. проходила одновременно еще с одним процессом - складыванием центральных приказов-четвертей. Несмотря на глубокое исследование П. А. Садикова, проблема эволюции четвертей в XVI в. не разрешена. В XVII в. четверти ведали не только фискальными, но и судебно-административными вопросами управления тяглым населением городов и уездов, разрешая все дела, которые превышали компетенцию воевод и земских старост. Однако вопрос о том, когда и в связи с чем четверти столь расширили свои полномочия, требует изучения. Садиков связывал возникновение четвертей с земской реформой 1550-х годов, выводя их организацию из ведомства "кормленых дьяков"⁶⁰. В уставных земских грамотах представлена, однако, более сложная система подчиненности органов местного управления центральным.

Согласно Плесской грамоте 1551 г., оброк "за наместничьи пошлины" полагалось вносить в казну дьяку Угриму Львову, в то время как судом волость ведалась непосредственно у царя. Волости Малая Пинежка, Выйская и Сура Поганая по уставной грамоте 1552 г. вносили кормленный оброк и были подсудны казначеям И. П. Головину, Ф. И. Сукину и дьяку И. Новугородову⁶¹. Туда же вносило оброк и там же судилось население Важского уезда по уставной грамоте 1552 года. Посадские люди Соли Переяславской и переяславские рыболовы по уставной грамоте 1555 г. должны были сдавать оброк в казну дьяку Львову, а ведаться

судом - у казначеев Сукина, Х. Ю. Тютиня и того же Львова. У них же ведались и судились, по уставной грамоте 1555 г., крестьяне двух волостей Устюжского уезда. Тяглое население Двинской земли, по уставной грамоте 1556 г., выплачивало кормленный окуп в казну дьяку Путилу Нечаеву и у него же получало управу по судебным делам с "опричными людьми"⁶². И так, переходившие на откуп волости и посады одновременно поступали под верховную юрисдикцию казначеев и подчиненных им дьяков, равнозначную власти наместников с боярским судом.

Для управления некоторыми переведенными на откуп землями была не позднее 1561 г. создана "четвертная изба" дьяка В. Колзакова, получившая в литературе условное название Каргопольской⁶³. Переломным моментом в развитии аппарата приказного управления стало учреждение опричнины. В известном летописном переложении указа о ее введении перечислены волости и посады, в большинстве которых было введено земское управление и с которых взимался кормленный окуп. В дополнение к ним, как сказано в летописи, "и иные волости государь поймал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход"⁶⁴. С формированием особой опричной четверти под руководством первоначально Ф. Рылова, а потом Д. Володимерова суд по делам, превышавшим компетенцию земских старост, перешел в руки опричных казначеев и дьяков. Аналогичные процессы протекали в земщине, где с 1567 г. судом над тяглым населением перешедших на откуп волостей ведал четвертной дьяк А. Васильев⁶⁵.

стр. 16

Для волостей и посадов эти видоизменения центрального приказного аппарата имели далеко идущие последствия. Наместники с боярским судом, получая свои кормления, не подчинялись четвертям, сохраняя свои прежние права вершить суд по всем делам, кроме выдачи отпускных. А тяглое население городов и уездов, куда в 1570-е годы стали назначать воевод, подлежало верховному суду у своих четвертных дьяков. Это видно из указной грамоты 1577 г. воеводе Корелы В. К. Кобылину о расследовании тяжбы между крестьянами Иломанского погоста. Обращение к воеводе гласит: "...И ты б их в том судил и сыски всякими сыскал, да по суду своему и по сыску управу меж их учинил безволокитно, да и пошлины б еси с тех дел, до правя на виноватом, прислал к нам на Москву в четверть к дьяку нашему к Ондрею Клобукову, а в чем будет тебе меж их управы учинить немочно, и ты б суда своего и сыску списки и обоих исцов и по них записи поручные прислал к нам на Москву, как корелские и погосские крестьяне восемьдесят шестаго году с нашими намесни[ча] доходу и с оброчными денгами поедут к нам на Москву"⁶⁶. А. Клобуков с 1572 г. управлял Каргопольской четвертью, и цитированная грамота от 6 июня 1577 г. является последней вышедшей из его ведомства, поскольку уже 13 июля 1577 г. этот дьяк отправился в ливонский поход вместе с царем⁶⁷. Судя по этой грамоте, в дворовую Каргопольскую четверть поступали судебные пошлины, полученные воеводой, наместничий доход (переведенные на деньги кормы), и - в случае превышения компетенции воеводы - тяжбы между тяглыми людьми. Эта система повсеместно распространилась в 1580-х годах; последняя кормленая грамота была выдана в 1589 г., и с тех пор в местном управлении торжествовал приказной порядок⁶⁸.

В современной историографии утвердилось представление о том, что в России XVI в. государственный строй эволюционировал по восходящей линии вплоть до реформ 1550-х годов и по нисходящей - к "деспотической форме самодержавного правления" - во второй половине XVI века⁶⁹. В действительности направленность изменений была несколько иной. Еще в середине XVI в. государственный строй России был архаичным, поскольку ему не хватало институциональной связи с населением; ее отсутствие компенсировалось широкими

полномочиями кормленщиков. Власть наместников с боярским судом в миниатюре копировала власть государя, усвоив такое ее важное качество, как синкретичность - слитность, нерасчлененность административных, судебных и фискальных полномочий. Простираясь над обществом в формах трансцендентного господства (переложение наместником своих судебных обязанностей на собственного холопа-тиуна), власть наместника не проникала в толщу тяглых миров.

В ходе реформ 1550-х годов процесс самоуправления в волостях и посадах был бюрократизирован и документирован, что свидетельствовало о начинавшемся переходе к новой системе управления. Однако этот переход не был последовательным, в частности, городские дети боярские и после реформ 1550-х годов остались под судебной властью наместников. В таком контексте замена наместников воеводами в 1580-х годах выглядит, во-первых, как значимая реформа, а во-вторых, как закономерный результат земской реформы 1551 - 1556 годов. С полной отменой кормлений в 1580-х годах произошло перераспределение полномочий центра и провинции. Поэтому суждения о "простом восстановлении старой системы управления" в это время слишком прямолинейно трактуют показания источников⁷⁰.

Лишенные права собирать в свою пользу пересчитанные в денежном эквиваленте наместничьи доходы и судебные пошлины, воеводы были с 1586 г. обременены хлопотными и неприбыльными обязанностями по контролю за

стр. 17

оформлением и отпуском холопов, ограничены в судебных полномочиях. Сущность института воевод этого времени не соответствовала представлениям о нем современников. В воеводах, являвшихся одновременно орудием и продуктом социально-политической интеграции, население видело корыстных администраторов, собиравших корм уже не в силу закона, а по обычаю. В годы Смуты и последовавшей политической реставрации конца XVI - XVII в. воеводы были лишь слабой тенью прежних могущественных наместников.

Примечания

1. Послания Ивана Грозного. СПб. 2005, с. 155.
2. Там же, с. 591.
3. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси. В кн.: КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 8. М. 1990; ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. М. -Л. 1947, с. 265 - 266; ЗИМИН А. А. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, с. 186 - 191; НОСОВ Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. 1969, с. 396 - 420.
4. КОЛЫЧЕВА Е. И. Холопство и крепостничество. М. 1971, с. 194, 199.
5. ФЛОРЯ Б. Н. Кормленные грамоты XV-XVI вв. как исторический источник. - Археографический ежегодник за 1970 год. М. 1971, с. 109 - 126.

6. АНТОНОВ А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленые грамоты XV - середины XVI в. - Русский дипломатарий, 1998, вып. 3.
7. ПАШКОВА Т. Б. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в.: наместники и волостели. М. 2000, с. 82 - 84.
8. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб. 2001, с. 315.
9. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М. 1909, с. 19, 28.
10. КАШТАНОВ С. М. Социально-политическая история России конца XV - первой половины XVI в. М. 1967, с. 131 - 133.
11. Акты служилых землевладельцев (АСЗ). Т. 4. М. 2008, с. 125, 127; т. 1. М. 1997, с. 236; Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ. М. 1898, N 62.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1209, оп. 1, N 827, л. 744об., 946, 1294об.
13. Псковские летописи. Вып. 2. М.-Л. 1955, с. 164.
14. Новгородские писцовые книги. Т. 5. СПб. 1905, стб. 356, 358.
15. АНТОНОВ А. В. Ук. соч., с. 95.
16. ЯНИН В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М. 2008, с. 236 - 239, 331 - 342.
17. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. -Л. 1949, с. 9, 131 - 132.
18. ЯНИН В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М. 1981, с. 216 - 223.
19. ФРОЛОВ А. А. Новый взгляд на территориально-административную систему земель господина Великого Новгорода. - Новгородский исторический сборник, 2008, вып. II, с. 154 - 155.
20. КРОМ М. М. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI в. - Исторические записки, 2007, вып. 10(128), с. 373 - 397.
21. СМИРНОВ И. И. Очерки политической истории русского государства 30 - 50-х гг. XVI в. М. -Л. 1958, с. 486 - 487; ШМИДТ СО. У истоков российского абсолютизма. М. 1996, с. 203.
22. Российское законодательство X-XX вв. (РЗ). Т. 2. М. 1985, с. 267.
23. ВЕСЕЛОВСКИЙ СБ. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М. 1926, с. 108; ПРЕСНЯКОВ А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость. - Летопись занятий

Археографической комиссии, 1927, вып. 34, с. 190; СМИРНОВ И. И. Ук. соч., с. 340 - 341; НОСОВ Н. Е. Ук. соч., с. 92.

24. АНТОНОВ А. В. К вопросу о судебном иммунитете служилых землевладельцев. - Русский дипломатарий, 1999, вып. 5, с. 200.

25. САМОКВАСОВ Д. Я. Архивный материал. Т. 1. М. 1905, с. 3 - 8.

26. ФЛОРЯ Б. Н. Ук. соч., с. 115.

27. КАШТАНОВ СМ. Из истории русского средневекового источника. М. 1996, с. 131 - 132.

28. Акты Археографической экспедиции. Т. 1. СПб. 1836, с. 268; Акты XIII-XVII вв., с. 112.

29. Судебники XV-XVI вв. М. -Л. 1952, с. 255 - 264.

30. ШМИДТ С. О. Продолжение хронографа 1512 г. - Исторический архив, 1951, т. 7, с. 295 - 296.

стр. 18

---

31. АНТОНОВ А. В. Рыльская уставная наместничья грамота 1549 г. - Русский дипломатарий, 1998, вып. 3, с. 65 - 70.

32. ЕГО ЖЕ. К вопросу о судебном иммунитете, с. 201.

33. АСЗ. Т. 4, с. 397 - 400.

34. Там же. Т. 1, с. 291.

35. ПАВЛОВ А. П. Н. Е. Носов как исследователь проблем русской истории XVI в. В кн.: Государство и общество в России XV - начала XX века. СПб. 2007, с. 33 - 44.

36. НОСОВ Н. Е. Ук. соч., с. 367 - 385, 459.

37. ЕГО ЖЕ. Русский город в XVI столетии. В кн.: Россия и Италия. Материалы IV конференции советских и итальянских историков. М. 1972, с. 41 - 61.

38. РЗ, с. 267.

39. ФЛОРЯ Б. Н. Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве. - Исторические записки, 1990, т. 118, с. 330 - 350.

40. АНТОНОВ А. В. Из истории великокняжеской канцелярии, с. 99 - 100.
41. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты, с. 32 - 39.
42. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси. Т. 1. М. -Л. 1952, с. 150, 202; АСЗ. Т. 4, с. 171.
43. ВЕСЕЛОВСКИЙ СБ. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М. -Л., 1947, с. 265 - 266.
44. АСЗ. Т. 4, с. 157 - 158; т. 1, с. 97 - 98.
45. ЗИМИН А. А. Опричнина Ивана Грозного. М. 1964, с. 383 - 385.
46. АСЗ. Т. 1, с. 289; т. 4, с. 129.
47. Там же. Т. 1, с. 151; т. 4, с. 145.
48. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, N 827, л. 745.
49. Дополнения к Актам историческим. Т. 1. СПб. 1846, с. 130.
50. КОЛЫЧЕВА Е. И. Ук. соч., с. 191 - 199.
51. РЗ, с. 109, 115.
52. КОЛЫЧЕВА Е. И. Ук. соч., с. 200 - 201.
53. ЗИМИН А. А. Опричнина Ивана Грозного, с. 384 - 385.
54. РЗ, с. 116.
55. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII в. Л. 1986, с. 65.
56. КУШЕВА Е. Н. К истории холопства в конце XVI - начале XVII в. - Исторические записки, 1945, т. 15, с. 84.
57. КОЛЫЧЕВА Е. И. Ук. соч., с. 201.
58. Законодательные акты Русского государства, с. 65.
59. АСЗ. Т. 4, с. 24 - 29.

60. САДИКОВ П. А. Очерки по истории опричнины. М. -Л. 1950, с. 222 - 227.
61. Памятники русского права. Вып. 4. М. 1956, с. 191 - 195.
62. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты, с. 106 - 109, 114 - 115, 117 - 118, 121 - 122, 134 - 136.
63. САДИКОВ П. А. Ук. соч., с. 313.
64. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. Ч. 2. М. 1965, с. 395.
65. САДИКОВ П. А. Ук. соч., с. 320 - 321, 356.
66. АСЗ. Т. 4, с. 149.
67. САДИКОВ П. А. Ук. соч., с. 334.
68. ПАВЛОВ А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб. 1992, с. 239 - 249.
69. Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб. 1996, с. 83 - 89.
70. ФЛОРЯ Б. Н. Центр и провинция в системе управления России XVI-XVII вв. В кн.: Государство и общество, с. 189 - 194.